

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 29—41
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.4

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 29—41
ББК 87.3(2)53
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.4

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Н. Н. Козлова

Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия, tver-rapn@mail.ru

Статья посвящена осмыслению женского вопроса российскими консерваторами XIX — первой половины XX в. в соответствии с четырьмя измерениями: методологическим, институциональным, культурным, цивилизационным. Рассмотрены представления мыслителей о природе и социальных ролях женщин, проанализировано влияние этих представлений на их трактовку таких феноменов, как власть, политика, государство. Выявлены модели идеальной женственности в концепциях российских консерваторов.

Ключевые слова: женский вопрос, консерватизм, самодержавие, семья, публичная и приватная сферы.

WOMEN'S QUESTION IN THE POLITICAL PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN CONSERVATIVE THOUGHT OF THE XIX — EARLY XX c.

N. N. Kozlova

Tver State University, Tver, Russian Federation, tver-rapn@mail.ru

The article is devoted to understanding women's question within Russian conservative thought of the XIX — first half of the XX c., using four dimensions: the methodological, institutional, cultural, civilization. The author analyzes conservative ideas on nature and social roles of women as well as the impact of these ideas on interpretation of such political phenomena as power, politics and state. The article attempts at describing a model of ideal femininity from the Russian conservatives point of view.

Key words: women's question, conservatism, autocracy, family, public and private spheres.

Постановка проблемы и ее научная разработанность

Одной из центральных проблем современного социогуманитарного знания является поиск концептуальных моделей, обеспечивающих стабильное и инновационное развитие общества. Гендерная система российского социума отличается противоречивостью ценностных ориентаций относительно включения женщин в сферу политического. В публичном дискурсе присутствуют, с одной стороны, идеи о необходимости достижения гендерного социально-политического баланса, опирающиеся на официально закрепленные в Конституции РФ демократические принципы равенства полов, с другой — представления о традиционной женственности, прославление женщины как матери, супруги, подруги выдающихся мужчин, апеллирующие к исторически сложившимся ценностям русской культуры. В последние годы, считает С. Г. Айвазова, вторая тенденция в России набирает силу и очевидными становятся «негативные метафоры гендерного дискурса» [Айвазова, 2017: 4].

Современный отечественный традиционализм базируется на ценностных основаниях консерватизма XIX — первой половины XX в. В связи с этим актуально обращение к политической философии российского консерватизма данного периода для того, чтобы проанализировать представления мыслителей о природе и социальных ролях женщин, рассмотреть их влияние на интерпретацию понятий «политика», «власть», «государство». Исходя из того, что российские консерваторы сформулировали базовые принципы отечественной политической системы с учетом специфики ее национальной культуры, можно сказать, что они дали своего рода «русский ответ» на женский вопрос в России.

Источниковую базу исследования составили произведения российских консерваторов XIX — первой половины XX в.: Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. С. Уварова, К. П. Победоносцева, К. Н. Леонтьева, М. О. Меншикова, Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина, И. Л. Солоневича и других.

В западном и отечественном социогуманитарном знании нет специальных трудов, посвященных исследованию женского вопроса российскими консерваторами указанного периода. Взаимосвязь гендерных характеристик и механизмов формирования национальной идентичности рассматривается в работах О. А. Здравомысловой [Здравомыслова, 2000], Т. Е. Осипович [Осипович, 1998], О. В. Рябова [Рябов, 1997, 1999, 2001]. В исследованиях О. А. Ворониной [Воронина, 2000], Н. М. Ковальчук [Ковальчук, 2009], Л. В. Полякова [Поляков, 1993] анализируются точки зрения русских философов на проблему социального статуса женщин.

Осмысление женского вопроса российскими консерваторами затрагивается исследователями в рамках анализа дебатов о назначении женщины в периодической печати во второй половине XIX в. между представителями различных политических сил [Айвазова, 1991; Тишкин, 1984; Юкина, 2007]. В трудах советских историков взгляды консервативных мыслителей характеризовались как крайне ретроградные и реакционные [Бильшай, 1959; Вишневская, 1957]. В современной науке наблюдается переоценка идей отечественного консерватизма [Бобровник, 2001; Карченкова, 2004; Костюкевич, 2003; Прохорова, 2009; Шабалкина, 2007].

Для решения поставленной в статье задачи необходимо рассмотреть несколько тесно взаимосвязанных сторон политической философии отечественного консерватизма XIX — первой половины XX в., совокупность которых может быть классифицирована в соответствии с четырьмя основными измерениями: методологическим, институциональным, культурным, цивилизационным.

Методологическое измерение

Теологический и органический подходы выступили методологическими основаниями российского консерватизма XIX — первой половины XX в. Концептуальное осознание общества как единого органического целого обусловило интерпретацию мыслителями социальных ролей мужчин и женщин в рамках биологического эссенциализма как взаимодополняемых, асимметричных. Рассматривая представления консерваторов о женской природе, можно утверждать, что они являлись основополагающими для конструирования границ социального бытия женщин. Сопоставляя интеллектуальные, моральные, физические качества женщин и мужчин, консерваторы делали вывод, что данные свойства в мужской природе выражены в большей степени, чем в женской. М. О. Меньшиков утверждал: «Мужчины, как пол господствующий, сильный, ученый, умный, — они бесспорный авторитет для женщины» [Меньшиков, 1994: 122—123]. Опираясь на христианское учение о власти и о браке, консерваторы ограничивали жизнедеятельность женщин приватной, семейной сферой. К. П. Победоносцев указывал, что «не место женщине ни на кафедре, ни в народном собрании, ни в церковном учительстве. Место ее в доме, вся красота ее и сила во внутренней хранилище и в жизни, без слов служащей для всех живым примером» [Победоносцев, 2011: 525]. Отсутствие у женщин необходимых для выполнения политической деятельности свойств, опасность утраты «вечно женственного», ущерб от всего «сверхпрозаического», «сверхтрезвого» блокировали их выход в политическое пространство. И. А. Ильин писал: «Женщину не следует вовлекать во все страсти, пошлости и интриги политической жизни, ибо женщина имеет лучшие и интимнейшие задания, драгоценные для государства» [Ильин, 1994: 485]. При этом российские консерваторы XIX — первой половины XX в. осуждали мизогинизм (женоненавистничество) П. Ж. Прудона, О. Вейнингера, П. Мебиуса, Л. Н. Толстого. И. Л. Солоневич полагал, что «должны быть установлены какие-то правила литературно-общественного приличия, не допускающие клеветы на наших матерей, жен, сестер и дочерей... Функции у нас и у женщин несколько разные. Но я не знаю, что почетнее и что труднее: давать ли миру тракторы и пулеметы или давать миру новых людей. Я предпочитаю людей» [Солоневич, 1997: 255—256].

Институциональное измерение

Анализируя институциональное измерение политической философии российского консерватизма XIX — первой половины XX в., важно отметить, что философы трактовали политику как деятельность исключительно царствующей династии, опирающейся на состоявших на императорской службе государственных мужей. Идея несовместимости «женского» с политической

сферой гармонично сочеталась с выработанной консерваторами моделью российской политической системы, основанной на триаде «Православие. Самодержавие. Народность». Сфера политического осмысливалась философами как отеческий порядок правления, фундированный принципом андроцентризма.

Тем не менее, осмысливая правление в XVIII в. российских императриц, консерваторы предложили не только критическую, но и апологетическую трактовку женского царствования. Впервые развернутая легитимация женского правления была предложена Н. М. Карамзиным, который в работе «Историческое похвальное слово Екатерине II» создал образ императрицы-матери. Он сфокусировал внимание на гуманном характере политики Екатерины II, связав его с фемининными качествами [Карамзин, 2010: 160, 213]. Последующие мыслители консерваторы дополнили образы императриц позитивными чертами. В частности, А. С. Шишков охарактеризовал правление Екатерины как «кроткое» и «славное», поскольку полагал, что императрица «вознесла Россию на верх величия и славы» [Шишков, 2010а: 361]. П. А. Вяземский восхвалял Екатерину, поскольку «она искренно и крепко оперлась на народ» [Вяземский, 2010: 385]. Обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев подчеркнул положительную роль императрицы в деле освобождения дворян от несения военной службы [Победоносцев, 1923: 523]. К. Н. Леонтьев позитивно оценивал деятельность Екатерины II, потому что она привела Россию к расцвету культуры [Леонтьев, 2010а: 50]. Л. А. Тихомиров обратил внимание на глубокие веровательные установки православных императриц [Тихомиров, 2010: 320]. Таким образом, консерваторы положительно оценивали женское правление за приверженность к основным принципам отечественной политики, за соблюдение русской национальной культуры.

Сторонники критической позиции подчеркивали нелегитимный характер власти императриц. Фаворитизм мыслители интерпретировали как выражение неспособности женщин самостоятельно реализовывать политическую власть. В частности, И. А. Ильин писал: «Императрица Елизавета Петровна и императрица Екатерина не были свободны от своих заговорщиков и от ведомого ими сословия и поэтому не имели всенародной социальной идеи» [Ильин, 1993: 280]. Он сомневался в законности оснований подобной власти: «...императрицы Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины Алексеевны — были не то “избраны”, не то “провозглашены”, не то возведены на трон дворцовым переворотом» [Ильин, 1994: 431]. И. Л. Солоневич негативно оценивал правление Екатерины II, которую он считал всего лишь «случайной вывеской на пустом престоле» [Солоневич, 1991: 225], мелкой немецкой принцессой, ставшей путем мужеубийства и цареубийства... куклой в руках тех людей, которые несли ее и на кровать, и на престол» [Солоневич, 2001: 327].

В концепциях консерваторов институт самодержавия базировался на выстраиваемой на авторитете власти отца патриархальной семье. Конструирование семьи и политики предполагало принцип изоморфизма, закладывая таким способом одинаковые основания функционирования политической и частной жизни. Мыслители ограничивали сферу бытия женщин, опираясь на идеи христианства: «Муж да будет главою жены, как Христос глава Церкви». К. П. Победоносцев высказывал точку зрения, что в семье власть может принадлежать

исключительно одному человеку: «Глава семьи или дома представляется естественным распорядителем и руководителем для остальных членов семьи» [Победоносцев, 2003: 9].

Одновременно в обязанности женщин вменялось осуществление важных ролей по организации семейной жизни, что создавало условия для установления относительного равновесия мужских и женских ролей на микроуровне. Опираясь на христианскую концепцию брака, мыслители подчеркивали важность равенства супругов «в духе, единство в чувствах веры, в нравственных убеждениях, в понимании добра» [Аксаков, 1995: 406], а не в правах. П. А. Вяземский, описывая в произведении «Московское семейство старого быта» распределение власти в семье Оболенских, указывал: «В семействе и в хозяйстве княгиня была князь и домоправитель, но без малейшего притязания на это владычество... Она была не только начальницею семейства своего, но и связью его, сосредоточием, душою, любовью» [Вяземский, 1984: 364].

Культурное измерение

Выделяя культурный аспект политической философии российских консерваторов, необходимо обратиться к концептуальному осмыслению ими вопросов, связанных с религией, литературным языком. Они подразделяли литературу на высокую и низкую, соотнося ее с публичной и приватной сферами. Официальная литература, т. е. язык «героев и богов» [Шишков, 2010b: 276], была предназначена только для публичной/мужской сферы. А. А. Алексеев, рассматривая значение женского фактора в деятельности литературных сообществ «Арзамас» и «Беседа любителей русского слова», подчеркивает, что «и Карамзин, и Шишков видят в женщинах носительниц разговорной стихии» [Алексеев, 1984: 90]. Консерваторы расценивали женское сообщество высшего света как целевую группу для передачи собственных убеждений и выступали за вовлечение женщин в творчество, связанное с русской словесностью. Они отводили женщинам важную роль в деле образования и воспитания детей в рамках русской национальной культуры.

В политических доктринах российских консерваторов XIX — первой половины XX в. можно выявить различные модели женственности: от позитивных («богатырши», «русские православные женщины») до негативных («женщины-революционерки», «новые женщины», «светские львицы», «женщины-политики»). Главная для консерваторов модель женственности — «русская православная женщина» — базировалась на ценностях православного христианства и соотносилась с образом Богородицы. К. П. Победоносцев указывал, что «чистый, святой образ Матери Божией должен каждую минуту напоминать деве христианской, что нет на земле имени и места святее и чище имени и места Девы» [Победоносцев, 2010b: 487]. В эссе, посвященных женщинам высшего света, обер-прокурор акцентировал внимание на таких их христианских добродетелях, как душевная красота, терпение, скромность и т. д. [Победоносцев, 2010a: 136—139, 145—163].

К. Н. Леонтьев приветствовал женское религиозное движение: «...если мы признали, что вера чистосердечная (женская и народная) полезна даже и в те времена, когда передовые мужчины охладевают к религии, то в такую эпоху,

когда, напротив, у этих передовых мужчин начинает замечаться отвращение к рационализму и безбожию и является поворот к вере, — женская религиозность своей беззаветностью и симпатичностью может удесятерить возрастание религиозных сил в целом обществе нашем» [Леонтьев, 2010b: 596—597]. Леонтьев считал необходимым увеличение количества женских монастырей.

Негативные черты в концепциях консерваторов женственность обрела в связи с проявлением так называемой женской власти, пользуясь которой, женщины манипулируют мужчинами, «своим бабьим властолюбием подавляют и губят в мужчине творческий потенциал» [Ильин, 1998: 487]. Мыслители осуждали «волю к власти» женщин, полагая, что тем самым они отказываются от исполнения роли жены и матери. Н. М. Карамзин раскрыл обреченность публичной миссии «Катона» Новгородской республики Марфы-посадницы, ее недалёковидность как политика: новгородская жена не понимала, в отличие от московского князя Иоанна, что «народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной» [Карамзин, 1964: 680]. Известная публичная персона Жермена де Сталь (личный враг Наполеона) для С. С. Уварова стала образцом новой женщины. Считая политику мужским делом, он с иронией высказался о политическом творчестве писательницы. Характеризуя стиль ее произведений, С. С. Уваров указывал, что он «является отпечатком, если можно так выразиться, и воплощением мужественности ее мышления» [Уваров, 2010: 529]. При этом он отмечал отсутствие автономии мадам де Сталь в создании произведений общественно-политической направленности: «Влияние господина Шлегеля на мадам де Сталь было слишком велико» [там же: 524]. В биографическом очерке о Софье Перовской Л. А. Тихомиров создал образ революционерки как неженственной особы. Описывая детские годы С. Перовской, он подчеркивал: «Кукол она не любила, не играла ими никогда, ея игры носили, что называется, “мальчишеский характер”» [Тихомиров, 1907: 45]. Главными свойствами характера революционерки он считал «самообладание и неженское мужество» [там же: 53].

В произведении «Характеры» К. П. Победоносцев в лице главной героини Мессалины нарисовал отрицательный образ светской дамы, жизнь которой он сравнивал с непрерывным праздником. Разнузданные речи, сплетни, самодовольство и беззаботная веселость, по мнению автора, отвлекали Мессалину от домашних забот: «Ей нет времени думать и о детях посреди нервного возбуждения, в котором проходят дни ее и ночи» [Победоносцев, 2010c: 379].

Таким образом, стремление женщин выйти из приватного в публичное пространство квалифицировалось мыслителями консервативного толка как одна из причин распада сложившегося в обществе политического и гендерного порядка.

Цивилизационное измерение

Цивилизационное измерение политической философии российского консерватизма XIX — первой половины XX в. (теоретико-философские представления мыслителей об историческом пути России, ее месте в мире, отразившиеся в решении консерваторами проблемы «Россия — Европа» в до- и послереволюционный период) позволяет сделать вывод, что в политических концепциях мыслителей были изложены основы национально-ориентированной модели развития России — продвижения вперед, основываясь на культурном коде русской

цивилизации. В контексте невестернизированной модели развития консерваторы осмысливали женский вопрос в рамках «борьбы» с Западом. И. В. Киреевский объяснял зарождение учения об эмансипации женщины в государствах Европы тем, что воспитание и образование женщин элитарного круга происходило вне семьи [Киреевский, 2010: 433]. Н. Н. Страхов в работе «Женский вопрос», написанной как комментарий к произведению английского мыслителя Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины», указывал: «Нам, русским, прежде всего бросается в глаза другая сторона дела, и мы находим, что и быть членом парламента значит исполнять некоторую важную и очень ответственную обязанность. Мы готовы видеть льготу для женщин в том, что они не несут государственной службы. Что для англичанина право, то для нас служба, и мы несем то, чем они пользуются» [Страхов, 1870: 133—134]. В связи с этим выработанный Европой способ повышения статуса женщин через борьбу за права оценивался им как недопустимый.

Равноправие полов консерваторы полагали недопустимым, так как, согласно их мнению, оно посягало на законы природы, способствовало разрушению общества, снижению авторитета власти. Они интерпретировали женский вопрос как вопрос морально-нравственный, а не юридический. А. С. Хомяков трактовал женский вопрос как право женщины на разврат, которое уже с успехом осуществляли мужчины [Хомяков, 1881: 560, 569]. По его мысли, «разврат мужчины предполагает разврат женщины» [там же: 571], поэтому главную задачу в решении женского вопроса Хомяков усматривал в борьбе против «низости и подлости душевной» мужчин [там же: 572]. Из этого следует, что консерватор высказывался против стандартов двойной морали в поведении мужчин и женщин.

Близкую точку зрения сформулировал М. О. Меньшиков в эссе «О любви»: «Один из модных аргументов, на который опираются порочные современные женщины, дает так называемый “женский вопрос”. Женщина равноправна мужчине — и баста! Почему мужчины разрешают себе любить, кого хотят, а мы этого не можем?» [Меньшиков, 1994: 139]. Он призывал оценивать визиты мужчин в публичный дом не как прерогативу «сильного пола, оскорбляющую равноправность», призывал осудить как сами заведения, так и аморальные желания мужчин [там же].

Таким образом, в антитезу либеральному дискурсу равноправия в рамках дебатов по женскому вопросу консервативный тип дискурса соединил вопросы пола и нации, конструируя оппозиции для идентификации «нерусских чужих» и «русских своих»: католичество и православие, плоть и дух, право и мораль, модернизация и традиция, практицизм и идеализм.

Консерваторы-эмигранты рассматривали переход от дореволюционной конфигурации гендерных отношений к большевистской системе социальных отношений между полами как важный шаг на пути генезиса нового политического порядка. Неприятие мыслителями-эмигрантами советского решения женского вопроса сопровождалось критическим разбором большевистской модели эмансипации женщин. Анализируя газеты большевиков, И. А. Ильин указывал, что «положение освобожденной и уравненной во всем с мужчиной женщины в советском государстве и вправду тяжело и унижительно» [Ильин, 2001: 43]. Он отмечал узко инструментальный подход советской власти к мобилизации женщин

в процесс социалистического строительства. В приведенных им цитатах из докладов совпарработников подчеркивается утилитарность поставленных властью задач в рамках проекта женской эмансипации: «Женщины могут быть самыми лучшими и выносливыми борцами и активными функционерами в забастовках, классовой борьбе и на фронте солидарности», «На трудящихся женщин во время войны ляжет новое бремя, женщины будут отливать снаряды и сделаются солдатами на этом этапе» [Ильин, 1998: 147—149]. По мнению И. Л. Солоневича, равные права мужчин и женщин привели прежде всего к усилению эксплуатации женских масс: «Не буду говорить и о равноправии на производстве, когда женщинам было предоставлено полное право работать на подземных работах, в шахтах Донбасса, таскать на спине кирпичи на московских стройках, рыть котлованы на Магнитке и рубить бревна в лесах концентрационных лагерей» [Солоневич, 2003: 38]. Помимо физического изнеможения, считал Солоневич, советские женщины испытывали опасение за свою честь: «Романтические устремления комиссара всегда поддерживаются тяжелой артиллерией постоянных сокращений, увольнений, чисток и арестов» [там же: 39]. Как видим, мыслители-эмигранты эксплицировали новые грани в решении большевиками женского вопроса.

Выводы

Итак, обращение к трудам отечественных консерваторов XIX — первой половины XX в. позволило выявить связь их представлений о природе и социальных ролях женщин с методологическим, институциональным, культурным, цивилизационным аспектами их политической философии. Синтез указанных измерений демонстрирует, что представления о присущих мужчинам и женщинам отличительных признаках и свойствах являются важными для политической философии российского консерватизма. Концептуальное осмысление поля политики в российской консервативной мысли соединено с решением женского вопроса. Сфера политического описывается философами как отеческое правление, она андроцентрична по своей природе. Бытие женщин вписывается ими в частную, семейную сферу. Женскую эмансипацию они рассматривали как подражание Европе, как отказ от оснований российской цивилизации. На мой взгляд, в современной России востребованными идеями российских консерваторов XIX — первой половины XX в. являются положительная оценка женского правления, критика женоненавистничества. Однако предложенная ими конфигурация гендерных и политических ролей архаична, потенциально затрудняет осуществление политики равных прав и равных возможностей мужчин и женщин.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Идеи истоки женского движения в России // *Общественные науки и современность*. 1991. № 4. С. 125—133.
- Айвазова С. Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4 (85). С. 3—13.
- Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. 526 с.

- Алексеев А. А.* Язык светских дам и развитие языковой нормы в XVIII веке // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века / отв. ред. В. В. Замкова. Л.: Наука, 1984. С. 82—95.
- Бильшиай В.* Решение женского вопроса в СССР. М.: Госполитиздат, 1959. 247 с.
- Бобровник Е. А.* Женский вопрос в русской философии и общественной мысли, конец XVIII — начало XIX века: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2001. 144 с.
- Вишневская Г. А.* Вопросы женской эмансипации в русских журналах 1830—1840 годов // Ученые записки Казахского государственного университета. Алма-Ата, 1957. Т. 11, кн. 9, вып. 1. С. 44—57.
- Воронина О. А.* Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 9—20.
- Вяземский П. А.* Московское семейство старого быта // Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 363—374.
- Вяземский П. А.* Записные книжки // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 381—424.
- Здравомыслова О. М.* «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 109—115.
- Ильин И. А.* О государе (II) // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Рус. кн., 1993. Т. 2, кн. 2. С. 275—281.
- Ильин И. А.* О монархии и республике // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Рус. кн., 1994. Т. 4. С. 415—544.
- Ильин И. А.* Женщины и дети // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Рус. кн., 1998. Т. 8. С. 143—156.
- Ильин И. А.* Брак и положение женщины // Мир перед пропастью: собрание сочинений: в 2 т. М.: Рус. кн., 2001. Т. 2, ч. 3. С. 32—47.
- Карамзин Н. М.* Марфа-посадница, или Покорение Новагорода // Избранные произведения: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. 1. С. 680—728.
- Карамзин Н. М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 160—217.
- Карченкова Т. А.* Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 237 с.
- Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Хомяков А. С., Киреевский И. В. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 2010. С. 397—441.
- Ковальчук Н. М.* «Женское» как гендерная проблема в русской литературе и философии XIX—XX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 91—94.
- Костюкевич Л. П.* Женский вопрос в русской философии и общественной мысли, I половина XIX века: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2003. 170 с.
- К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки / предисл. М. Н. Покровского. Пг.; М.: ГИЗ, 1923. Т. 1, полутом 2. 1147 с.*
- Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010а. С. 33—153.
- Леонтьев К. Н.* Добрые вести // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010б. С. 577—602.
- Меньшиков М. О.* О любви. Ставрополь: Горница, 1994. 192 с.
- Осипович Т. Е.* Победа над рождением и смертью, или Женофобия русской утопической мысли на рубеже XIX—XX вв. // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 174—181.
- Победоносцев К. П.* Курс гражданского права: в 3 т. М.: Зерцало, 2003. Т. 2. 656 с.
- Победоносцев К. П.* Вечная память: воспоминания о почивших // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010а. С. 136—193.
- Победоносцев К. П.* Праздники Господни // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010б. С. 482—534.

- Победоносцев К. П.* Характеры // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010с. С. 373—394.
- Победоносцев К. П.* Наставление девицам // Победоносцев К. П. Государство и церковь: в 2 т. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. Т. 1. С. 523—526.
- Поляков Л.* Женская эмансипация и теология пола в России XIX в. // Феминизм: Восток. Запад. Россия / отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Наука, 1993. С. 157—175.
- Прохорова И. Е.* «Женская тема» в литературно-критических и публицистических текстах П. А. Вяземского // Медиаскоп. 2009. № 9. URL: <http://www.mediascope.ru/node/348> (дата обращения: 12.03.2012).
- Рябов О. В.* Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. 159 с.
- Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI—XX века). Иваново: Юнона, 1999. 358 с.
- Рябов О. В.* «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.
- Солоневич И. Л.* Белая империя: статьи 1936—1940. М.: Москва, 1997. 368 с.
- Солоневич И. Л.* Народная монархия. М.: Феникс, 1991. 512 с.
- Солоневич И. Л.* Наша страна, XX век. М.: Москва, 2001. 448 с.
- Солоневич И. Л.* Женщина и большевизм // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам! СПб.: РусИнформ, 2003. С. 35—46.
- Страхов Н. Н.* Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщин» // Заря. 1870. № 1—2. С. 107—150.
- Тихомиров Л. А.* Андрей Иванович Желябов и Софья Львовна Перовская. Ростов н/Д: Донец. речь, 1907. 62 с.
- Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М.: РОССПЭН, 2010. 752 с.
- Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России, 50—60-е годы XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.
- Уваров С. С.* Мадам де Сталь // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 521—530.
- Хомяков А. С.* Письмо Т. И. Филиппову // Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Тип. П. Бахметьева, 1881. Т. 1. С. 560—574.
- Шабалкина К. В.* Русские мыслители XIX века о роли женщины в обществе: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2007. 181 с.
- Шишков А. С.* Записки // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010а. С. 351—616.
- Шишков А. С.* Рассуждение о любви к Отечеству // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010б. С. 257—277.
- Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.

References

- Aĭvazova, S. G. (1991) Ideĭnye istoki zhenskogo dvizheniia v Rossii [The ideological origins of women's movement in Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 125—133.
- Aĭvazova, S. G. (2017) Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4 (85), pp. 3—13.
- Aksakov, K. S. (1995) *Ėstetika i literaturnaia kritika* [Aesthetics and literary criticism], Moscow: Iskusstvo.
- Alekseev, A. A. (1984) Iazyk svetskikh dam i razvitie iazykovoĭ normy v XVIII veke [Language of society ladies and development of language standards in the XVIII century], in: Zamkova, V. V. (ed.), *Funktional'nye i sotsial'nye raznovidnosti russkogo literaturnogo iazyka XVIII veka*, Leningrad: Nauka, pp. 82—95.

- Bil'shaĭ, V. (1959) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR* [The decision of women's question in the USSR], Moscow: Gospolitizdat.
- Bobrovnik, E. A. (2001) *Zhenskiĭ vopros v russkoĭ filosofii i obshchestvennoĭ mysli, konets XVIII — nachalo XIX veka*: Dis. ... kand. filos. nauk [The women's question in Russian philosophy and social thought, the end of the XVIII — early XIX century: Diss. (Cand. Sc.)], Murmansk.
- Il'in, I. A. (1993) O gosudare (II) [About the sovereign (II)], in: *Sobranie sochineniĭ*: in 10 vols, Moscow: Russkaia kniga, vol. 2, b. 2, pp. 275—281.
- Il'in, I. (1994) O monarkhii i respublike [About the monarchy and the republic], in: *Sobranie sochineniĭ*: in 10 vols, Moscow: Russkaia kniga, vol. 4, pp. 415—544.
- Il'in, I. A. (1998) Zhenshchiny i deti [Women and children], in: *Sobranie sochineniĭ*: in 10 vols, Moscow: Russkaia kniga, vol. 8, pp. 143—156.
- Il'in, I. A. (2001) Brak i polozenie zhenshchiny [Marriage and the status of woman], in: *Mir pered propast'iu*: *Sobranie sochineniĭ*: in 2 vols, Moscow: Russkaia kniga, vol. 2, pt. 3, pp. 32—47.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkiĭ feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Karamzin, N. M. (1964) Marfa-posadnitsa, ili Pokorenie Novgoroda [Martha-posadnitsa, or Conquest of Novgorod], in: *Izbrannye proizvedeniia*: in 2 vols, Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, vol. 1, pp. 680—728.
- Karamzin, N. M. (2010) Istoricheskoe pokhval'noe slovo Ekaterine II [The historic laudable word of Catherine II], in: *Izbrannye trudy*: in 2 vols, Moscow: ROSSPĖN, pp. 160—217.
- Karchenkova, T. A. (2004) *Zhenskiĭ vopros v rossiĭskoĭ publitsistike vtoroi poloviny XIX v.*: Dis. ... kand. ist. nauk [The women's question in Russian journalism of the second half of the XIX c.: Diss. (Cand. Sc.)], Omsk.
- Khomiakov, A. S. (1881) Pis'mo k T. I. Filippovu [A letter to T. I. Filippov], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*: in 8 vols, Moscow: Tipografiia P. Bakhmet'eva, vol. 1, pp. 560—574.
- Kireevskiĭ, I. V. (2010) O kharaktere prosveshcheniia Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniiu Rossii [On the nature of Europe's education and its relation to the Russian education], in: Khomiakov, A. S., Kireevskiĭ, I. V. *Izbrannye sochineniia*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 397—441.
- Kostiukovich, L. P. (2003). *Zhenskiĭ vopros v russkoĭ filosofii i obshchestvennoĭ mysli, I polovina XIX veka*: Dis. ... kand. filos. nauk [The women's question in Russian philosophy and social thought: I half of the XIX century: Diss. (Cand. Sc.)], Murmansk.
- Koval'chuk, N. M. (2009) "Zhenskoe" kak gendernaia problema v russkoĭ literature i filosofii XIX—XX vv. ["Women's" as a gender problem in Russian literature and philosophy of the XIX—XX centuries], *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4, pp. 91—94.
- K. P. *Pobedonostsev i ego korrespondenty*: Pis'ma i zapiski / predislovie M. N. Pokrovskogo (1923) [K. P. Pobedonostsev and his correspondents: Letters and notes], Petrograd, Moscow: GIZ, vol. 1, pt. 2.
- Leont'ev, K. N. (2010a) Vizantizm i slavianstvo [Byzantinism and Slavdom], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 33—153.
- Leont'ev, K. N. (2010b) Dobrye vesti [Good news], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 577—602.
- Men'shikov, M. O. (1994) *O liubvi* [About love], Stavropol': Gornitsa.
- Osipovich, T. E. (1998) Pobeda nad rozhdeniem i smert'iu, ili Zhenofobiia russkoĭ utopicheskoi mysli na rubezhe XIX—XX vv. [The victory over birth and death, or Sexist Russian utopian thought at the turn of XIX — XX cc.], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 174—181.

- Pobedonostsev, K. P. (2003) *Kurs grazhdanskogo prava*: in 3 vols [The course of civil law], Moscow: Zertsalo, vol. 2.
- Pobedonostsev, K. P. (2010a) Vechnaia pamiat': vospominaniia o pochivshikh [Eternal memory: memories about the deceased], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 136—193.
- Pobedonostsev, K. P. (2010b) Prazdniki Gospodni [Holidays of the Lord], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 482—534.
- Pobedonostsev, K. P. (2010c) Kharaktery [Characters], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 373—394.
- Pobedonostsev, K. P. (2011) Nastavlenie devitsam [Manual for girls], in: Pobedonostsev, K. P., *Gosudarstvo i tserkov'*: in 2 vols, Moscow: Institut russkoĭ tsivilizatsii, vol. 1, pp. 523—526.
- Poliakov, L. (1993) Zhenskaia ėmansipatsiia i teologiya pola v Rossii XIX v. [Women's emancipation and theology of sex in Russia in the XIX c.], in: Stepaniants, M. T. (ed.), *Feminizm: Vostok. Zapad. Rossiia*, Moscow: Nauka, pp. 157—175.
- Prokhorova, I. E. (2009) "Zhenskaia tema" v literaturno-kriticheskikh i publitsisticheskikh tekstakh P. A. Viazemskogo ["Women's them" in the literary critical and journalistic texts of P. A. Vyazemsky], *Mediascope*, vol. 9, available from <http://www.mediascope.ru/node/348> (accessed 12.03.2012).
- Riabov, O. V. (1997) *Zhenshchina i zhenstvennost' Serebriannogo veka* [Woman and femininity of the Silver Age], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Riabov, O. V. (1999) *Russkaia filosofiiia zhenstvennosti (XI—XX veka)* [Russian philosophy of femininity (XI — XX centuries)], Ivanovo: Iunona.
- Riabov, O. V. (2001) "Matushka-Rus'": *Opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noi identichnosti Rossii v otechestvennoi i zapadnoi istoriosofii* ["Mother Russia": An experience of gender analysis of searches for Russian national identity in Russian and Western philosophy of history], Moscow: Lodomir.
- Shabalkina, K. V. (2007) *Russkie mysliteli XIX veka o roli zhenshchiny v obshchestve*: Dis. ... kand. filos. nauk [Russian thinkers of the XIX century on the role of woman in society: Diss. (Cand. Sc.)], Murmansk.
- Shishkov, A. S. (2010a) Zapiski [Notes], in: *Izbrannye trudy*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 351—616.
- Shishkov, A. S. (2010b) Rassuzhdenie o liubvi k Otechestvu [Discourse on the love of the Fatherland], in: *Izbrannye trudy*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 257—277.
- Solonevich, I. L. (1991) *Narodnaia monarkhiia* [The people's monarchy], Moscow: Feniks.
- Solonevich, I. L. (1997) *Belaia imperiia: Stat'i 1936—1940* [The white empire: Articles 1936—1940], Moscow: Moskva.
- Solonevich, I. L. (2001) *Nasha strana, XX vek* [Our country, XX century], Moscow: Moskva.
- Solonevich, I. L. (2003) Zhenshchina i bol'shevizm [Woman and Bolshevism], in: Solonevich, I. L. *Vsia vlast' — russkim mozgam!*, St. Petersburg: RusInform, pp. 35—46.
- Strakhov, N. N. (1870) Zhenskiĭ vopros: Razbor sochineniia Dzhona Stiuarta Millia "O podchinenii zhenshchin" [The women's question: The analysis of the work of John Stuart Mill "The subjection of women"], *Zaria*, vol. 1—2, pp. 107—150.
- Tikhomirov, L. A. (1907) *Andreĭ Ivanovich Zheliabov i Sof'ia L'vovna Perovskaia* [Andrei Ivanovich Zhelyabov and Sof'ya Lvovna Perovskaya], Rostov-on-Don: Donetskaia rech'.
- Tikhomirov, L. A. (2010) *Monarkhicheskaia gosudarstvennost'* [Monarchical statehood], Moscow: ROSSPĖN.
- Tishkin, G. A. (1984) *Zhenskiĭ vopros v Rossii, 50—60-e gody XIX veka* [The women's question in Russia, 50—60s of the XIX century], Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet.

-
- Uvarov, S. S. (2010) Madam de Stal' [Madame de Stael], in: *Izbrannye trudy*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 521—530.
- Viazemskii, P. A. (1984) Moskovskoe semeĭstvo starogo byta [Moscow family of old life], in: *Ėstetika i literaturnaia kritika* [Aesthetics and literary criticism], Moscow: Iskusstvo, pp. 363—374.
- Viazemskii, P. A. (2010) Zapisnye knizhki [Notebooks], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 381—424.
- Vishnevskaiia, G. A. (1957) Voprosy zhenskoĭ ėmansipatsii v russkikh zhurnalakh 1830—1840 godov [Questions of women's emancipation in Russian journals of 1830—1840s], *Uchĕnye zapiski Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta*, Alma-Ata, vol. 11, b. 9, no. 1, pp. 44—57.
- Voronina, O. A. (2000) Sotsiokul'turnye determinanty razvitiia gendernoĭ teorii v Rossii i na Zapade [Sociocultural determinants of the development of gender theory in Russia and in the West], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 9—20.
- Zdravomyslova, O. M. (2000) "Russkaia ideia": antinomiia zhenstvennosti i muzhestvennosti v natsional'nom obraze Rossii ["Russian idea": the antinomy of femininity and masculinity in the national image of Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 109—115.

Статья поступила 26.02.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Козлова Наталия Николаевна — доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Институт экономики и управления, Тверской государственный университет, г. Тверь, tver-gar@mail.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor at the Department of Political Science, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver, Russian Federation).